

ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 811.161.1'276.1 "1690/1731"

ИЗ БИБЛЕЙСКОЙ СИМВОЛИКИ КАМНЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

В.М. Мокненко

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Статья посвящена юбилею профессора Самарского университета Людмилы Борисовны Карпенко. В двух очерках раскрывается символика слова *камень* в составе крылатых выражений библейского происхождения. Особое внимание уделено анализу поэтического употребления крылатых выражений *камень преткновения* и *бросать камень*. Их индивидуально-авторское прочтение оригинально, но все фразеологические трансформации довольно типичны для судьбы библеизмов.

Ключевые слова: крылатые слова, крылатые выражения, фразеологические единицы, библеизмы, индивидуально-авторские преобразования.

... Не жертва, не искупление в искусстве,
а свободное и радостное подражание Христу
– вот *краугольный камень* христианской эстетики.
Искусство не может быть жертвой,
ибо она уже совершилась, не может быть искуплением,
ибо мир вместе с художником уже искуплен,
– что же остаётся? Радостное богообщение...
О. Мандельштам. Пушкин и Скрябин

Мы, слависты Ленинградского / Санкт-Петербургского университета были счастливыми свидетелями того, как со студенческих лет выпускница кафедры славянской филологии Людмила Черкунова увлеклась проблемой деяний Кириллы и Мефодия и судеб кириллицы. Теперь, когда молодая

профессор Людмила Борисовна Карпенко уже давно известна несколькими фундаментальными монографиями (Карпенко 1999, 2004, 2005, 2016) и неисчислимым числом статей на эту тему, нам выпадает не менее счастливая доля – посвятить Ей Юбилейную Здравницу. Не обладая достаточной компетенцией в совершенном владении ее любимой глаголицей, автор этой здравницы тем не менее избрал тему, близкую и Кириллу и Мефодию, и Людмиле Борисовне. Избрал, чтобы в рамках неглаголических «Требований к оформлению статьи» связать Юбилей самарской славистки с библейской тематикой. И, как представляется, сакральная символика **камня** в призме отечественной поэзии в какой-то мере гармонирует с ныне отмечаемым в Самаре торжеством.

Понятно, что символика **Камня** в человеческой культуре с древних времен обогащалась все новыми и новыми коннотациями, бережно хранимыми в языковых кладовых (Brewer 2004, 1128-1129). В Священном Писании обозначение этой культурологемы многоярусно. Не случайно «Библейская энциклопедия Брокгауза», будучи не в силах охватить всю масштабность символики этого концепта в одной словарной статье, распределяет ее по различным рубрикам: Драгоценные камни, Известь, Мрамор, Краеугольный камень, Крепость, укрепление, Ремесло, Дом, строительство дома, Стена, Колодец, Гробница, Гроб Иисуса, Граница, предел, Памятник, памятный знак, Столб (столп), Праща (Ринекер, Майер 1999, 443). Столь впечатляющая символическая широта понятна. Ведь **Камень** – «один из первоэлементов мира (наряду с землей, водой, огнем, воздухом); символ «мертвой» природы» (Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая – СД 2, 448).

В поэтическом воображении этот символ воскресает из каменного омертвения и обретает особую жизненную силу. Особенно, если стихотворцы обращаются к крылатым выражениям из Священного Писания. В нашем «Толковом словаре библейских выражений и слов» (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010, 254-259) сделана попытка описать наиболее устойчивые в русском языке крылатые обороты с компонентом *камень*: *бессловесный камень*, *бросать / бросить (кидать / кинуть) камень (каменья, камнем) в кого*; *пускать камень (камнем) в кого*, *дать камень вместо хлеба*; *камень преткновения*; *краеугольный камень*; *положить краеугольный камень чего, чему*; *сеять на камне*; *время разбрасывать камни и время собирать камни*; *не оставлять / не оставить камня на камне*; *камня на камне не останется (не осталось)*. Свидетельством их активного употребления были и остаются литературные и публицистические контексты, обилие которых в русском национальном корпусе, как сейчас говорят, «зашкаливает».

Особо креативно при этом обращение к таким библеизмам у наших поэтов, где «каменная» символика нередко становится сюжетом всего

стихотворения. Достаточно вызвать в памяти стихотворение М.Ю. Лермонтова «Нищий»:

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то **камень** положил
В его протянутую руку...

Почти всегда, когда в поэтическом воображении является такой библейский символ, он обретает не только сюжетное обновление, но и индивидуально-авторское преобразование. Одна из попыток поверить лексикографической «алгеброй» такую поэтическую «гармонию» делается в словаре «Фразеология в русской поэзии XIX-XXI вв.» (Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016), две зарисовки интерпретационного опыта библеизмов из которого ниже представлены.

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ.

Это книжное выражение хрестоматийно известно во всех европейских языках как обозначение препятствий, помех, затруднений, на которые кто-либо наталкивается при выполнении, осуществлении чего-л. Каждому известно и его происхождение, ибо оно встречается во многих местах Ветхого (напр., Исайя, 8, 14 и др.) и Нового (Рим 9, 31-33 и др.) Заветов. Ср.: Ср. Рим 9, 31-33: «А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона; ибо преткнулись о *камень преткновения*, Как написано: «вот, полагаю в Сионе *камень преткновения* и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится». О заложенный в Сионе *камень преткновения* (т.е. спотыкались) неверующие, не желающие соблюдать законы люди, и Библия предостерегает от такого губительного соблазна.

Показательно, что в поэзии это предостережение воспринимается как противопоставление «чувства и долга», т.е. род некоего фаустовского «духоборства». Не случайно библеизм в таких случаях сопрягается (или, скорее, противопоставляется) «дерзанью и напору»:

Спасибо за *дерзанье и напор*,
сдвигающие камень преткновения,
спасибо за волшебные мгновенья
свиданья с Катериною моею.

Ю. Левитанский, «Я дьяволу душу не продал...»

К этому же противопоставлению поэт возвращается и в другом своем стихотворении, уже не в виде развернутой метафоры, а в составе аллегории:

Славный город Виттенберг,
ты и поздний, ты и ранний
не отверг моих стараний
и надежд не опроверг.

Я по улицам твоим
Вместе с Фаустом шатался,
суть вещей постичь пытался
с милым доктором моим.

...

Фауст был отменно мил,
как его (o meine Mutter!)
здесь когда-то Мартин Лютер
поносил и проклинал.

Я ж не смел, да и не мог
прикоснуться к этой ране...
Мирно спали лютеране,
плыл над крышами дымок.

В тиглях плавился металл,
и над **камнем преткновенья**
дух борьбы и дерзновенья
безбоязненно витал.

Ю. Левитанский, «Славный город Виттенберг...»

Любопытно, что такое высокое прочтение библеизма на фоне фаустовского богоборчества может вызвать и шутивно-ироническую дисгармонию в виде «противоположения противоположанию». Такова аллюзия в одном из «Гариков на каждый день» И. Губермана:

Боюсь, что он пылает даром,
наш дух борьбы и дерзновения,
коль скоро делается паром
при встрече с **камнем преткновения.**

Находятся, впрочем, и поэты, которые примиренчески пытаются примирить противоречие между созидательной символикой камня как строительного материала и камня преткновения как разрушительной преграды такому созиданию. Так, В. Соколов в стихотворении «Зеленая Рила...» мечтает «сложить из камней преткновенья» свое собственное «прекрасное зданье», чтобы оно – и здесь снова аллюзия на «Фауста» И.В. Гёте – «как древо жизни вечно зеленело»:

И взял я в мечтанье
В часы своего восхожденья –
Прекрасное зданье
Сложить из **камней преткновенья**.

Навек. Чтобы оно
Зданье как надо служило.
Чтоб *вечнозеленое*
Древо с камнями дружило.

Увы, гармонический симбиоз *камня* и *дерева* – лишь поэтическая мечта. Мечта уже и потому, что экскурс в древнейшую фразеологию с компонентами, их обозначающими (Janda 1999), убедительно демонстрирует их несовместимость.

Действительно: дружба камня с деревом невозможна. Невозможна уже и потому, что такая дружба грозит зеленому дереву окаменением. А окаменев, оно, как и камень, превращается в преграду – в орудие *спотыкания*. Именно такой образ рисует М. Цветаева в стихотворении «Куст»:

Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!).
В моих **преткновения пнях**
Сплошных *препинания знаках?*
Чего не слышал (на ветвях
Молвы не рождается в муках!),
В моих **преткновения пнях**,
Сплошных *препинания звуках?*

Пень преткновения – это и есть окаменение живого древесного ствола, порог, за которым жизнь превращается в вечную безжизненность, в знак *препинания*, решительно разграничивающий «до» и «после», прошлое и настоящее.

БРОСАТЬ КАМЕНЬ *в кого*

Если библейская символика *камня преткновения* требует особого теологического комментария, то расшифровка внутренней формы выражения **бросать камень в кого** ‘осуждать, обвинять, чернить, порочить кого-л.’ прозрачна и до сих пор актуальна на протестных демонстрациях, где булыжник, как известно, становится «орудием пролетариата». При этом, конечно, побивание (т.е. забрасывание кого-л. до сильных ушибов или смертельного исхода) камнями в Древней Иудее имело свою узаконенную специфику: оно было одним из видов публичной казни осуждаемых. Само выражение поэтому возникло на основе Евангелия. Ср. Ин 8, 4-7: «Сказали

Ему: Учитель! эта женщина взята в прелободянии; А Моисей в законе заповедал нам *побивать* таких *камнями*: Ты что скажешь? ... Когда же продолжали спрашивать Его, Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый *брось на нее камень*». Первая часть этой фразы, обращенной Иисусом к книжникам и фарисеям, – *кто из вас без греха* – часто опускалась в речи, что способствовало тому, что слово *первый* стало относиться не к людям, а к камню – *бросить первый камень*. Хотя сам фразеологизм заимствован из старославянского, его вариант с глаг. *бросить* возник уже в русском языке. Это доказывается тем, что этот глагол является собственно русским и в памятниках известен лишь с XVII в. (Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, 280-281). Выражение – интернационализм, известный многим языкам, напр.: укр. *кидати/кинути камінь (каменя, каменем, камінням) на кого, в кого, у кого*; бел. *каменем (камень) кінуць*; х.с. *basati/ basiti kamen (kamenem)*; пол. *rzucać kamieniem*; нем. *einen Stein auf j-n werfen (schleudern)* и т.п.

Прозрачность исходного образа и аллюзии на древнеиудейский обычай и евангельскую притчу делают фразеологизм притягательным объектом самых разнообразных индивидуально-авторских преобразований. У некоторых поэтов он обретает особую популярность – видимо, из-за их особой ранимости к несправедливым ударам современных книжников и фарисеев. У С. Есенина, например, это выражение эмоционально заострено окказиональным расширением его компонентного состава:

Мне нравится, когда **каменя брани**

Летят в меня, как град рыгающей грозы,

Я только крепче жму тогда руками

Моих волос качнувшийся пузырь.

С. Есенин, «Исповедь хулигана»

В поэме «Пугачев» С. Есенин употребляет это выражение почти в первоначальном библейском виде, в то же время наполняя его иным ситуативным смыслом:

Сторож. Я говорю, что скоро грозный крик,

Который избы, словно жаб, влакал,

Сильней громов раскатится над нами.

Уже мятеж вздымает паруса,

Нам нужен тот, **кто первый бросил камень**.

С. Есенин, «Пугачев»

Если в Евангелии Иисус своим вопросом побуждает окружающих задуматься над оправданностью побивания камнями Марии Магдалены и оста-

новить наказание, то сторож в поэме С. Есенина, наоборот, ищет виновника – зачинщика мятежа.

В той же поэме бросание камня *в кого* трансформируется в бросание камня *кому* – в духе стихотворения М.Ю. Лермонтова о нищем, просящем подаяния:

Шигаев. Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда.
Просит она на пропитанье
У проезжих. Но *никто ей не бросит даже камня.*

Здесь расширение компонентного состава фразеологизма сопровождается его морфологической и синтаксической трансформацией.

Весьма близок этому типу преобразования и странный, на первый взгляд, вариант **бросить камень в смех** ‘бросить камень в насмешку голодной собаке, просящей «подачку»’, инкрустируемый как сравнение в развернутой метафоре:

И глухо, как от подачи,
Когда **бросят ей камень в смех,**
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

С. Есенин, «Песнь о собаке»

Для большинства поэтов наш библеизм служит своеобразным манифестом, обращенным к своим антагонистам, не только не понимающим, но и жестоко обвиняющим и очерняющим служителей Слова. Яркий пример этому – строки известного стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк», воссоздающего атмосферу ветхозаветного поругания глашатаев божественной истины:

Провозглашать я стал любви
И правды истинной ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

М.Ю. Лермонтов, «Пророк»

Расширение компонентного состава фразеологизма и его морфологическое и словообразовательное изменение здесь усиливает экспрессивность исходного образа, оживляя его.

От побивания камнями поэт может оградиться лишь башней уединения, которая подобна известной башне из слоновой кости. Именно так поступает А. Ахматова:

*Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.*

А. Ахматова, «Уединение»

Развернутая метафора в этом поэтическом экскурсе обогащается и внутренней синтаксической трансформацией.

Нередко само воображение поэта (гесп. поэтессы) рисует его потенциальных антагонистов. И тогда он сам бросает им вызов, демонстрируя свое бесстрашие и отстаивая свою поруганную честь:

*Брось камень тот, кто без греха,
В бесстыдство моего стиха.*

Ж. Столярова, «Моя честь»

Слово *бесстыдство* здесь – явная аллюзия на евангельский сюжет о Марии Магдалене.

В отличие от своих поругателей, поэт, ограждая себя духовным уединением, никогда сам не бросает камней – ни в своих противников, ни в свою родину, какой бы суровой ипостасью она к ним ни поворачивалась:

*Но ни в кого не брошу я ни камня,
Осенним солнцем до того согрет,
Что кажется, бывает иногда мне
Не только сто, а много тысяч лет.*

Л. Мартынов. «Еще шалят по-летнему одеты...»

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?*

М. Волошин, «Святая Русь»

Поэтическая метафора брошенного камня может возвышаться до знаковой аллегорической идеологемы о противоборстве истинного и ложного. Именно такой высоты достигает В. Высоцкий в «Притче о Правде и Лжи», написанной в подражание Булату Окуджаве, где ветхозаветный образ актуализируется обращением к еще недавним советским реалиям:

*Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек, –
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила:
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.*

*И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне, –*

Грубая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась – и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью:
Баба как баба, и что ее ради радеть?! –
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

...

Правда смеялась, когда *в нее камни бросали*:
«Ложь это все, и на Лжи одеянье мое...»
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами ее.

Стервой ругали ее, и похуже чем стервой,
Мазали глиной, спускали дворового пса...
«Духу чтоб не было, – на километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!»

Тот протокол заключался обидной тирадой
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама – пропилась, проспалась догола.

Два очерка о поэтическом перевоплощении крылатых выражений *камень преткновения* и *бросать камень*, несмотря на оригинальность их индивидуально-авторского прочтения, довольно типичны для судьбы библеизмов. Узнаваемость их сюжетов неизменно будоражит творческое воображение поэтов и вдохновляет их на новое, освежающее прочтение Библии. Воображение авторов сборника, посвященного Юбилею профессора Людмилы Борисовны Карпенко, столь же взбудоражено ее исследованиями глаголических деяний наших Первоучителей Кирилла и Мефодия. И, поздравляя Исследовательницу-Юбиляра, мы желаем ей успешного шествия по некогда ею избранному пути – пути богообщения.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. проф. В.М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926. [2] с.
2. Карпенко Л.Б. Глаголица – славянская священная азбука : (Семиотический анализ в контексте Библии) / Л.Б. Карпенко; Сам. гос. ун-т, Сам. гуманитар. акад. Самара: Изд-во Сам. гуманитар. акад., 1999. 196 с.
3. Карпенко, Л. Б. Священная азбука Кирилла / Л. Б. Карпенко. Самара : Офорт, 2004. 218 [9] с.
4. Карпенко Л.Б. Священная азбука Кирилла. Самара: Офорт, 2006. 228 с.

5. Карпенко Л.Б. Онтология славяно-русского письма. Самара, Россия: Издательство «Самарский университет», 2016. 159 с.
6. Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. М.: АСТ : Астрель, 2010. 639, [1] с.
7. Мелерович А. М., В.М. Мокиенко, Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX-XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Под научн. ред. В.М. Мокиенко. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 528 с.
8. Ринкер Фритц, Майер Герхард: Библейская энциклопедия Брокгауза: Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn, 1999. 1089 S.
9. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. М.: «Международные отношения», 1995. 584 с.; т. 2. Д–К (Крошки). М.: «Международные отношения», 1999. 697 с.; т. 3. К (Круг)–П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. 704 с.; т. 4. – т. 5. М.: Международные отношения, 2013. (СД).
10. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. First published 1870. Millennium edition. Revised by Ardian Room. London: Cassel and Co, 2004. 1293 p.
11. Janda Michael. Über „Stock und Stein“: die indogermanischen Variationen eines universalen Phraseologismus / Michael Janda. (= Münchener Studien zur Sprachwissenschaft: Beiheft; N.F., 18). Dettelbach: Röhl, 1997. 210 S.

УДК 80

ТЕОРЕТИЧНИ ОСНОВИ НА АКАДЕМИЧЕН ЛЕТОПИС

Д. Веселинов

*Софийски университет «Св. Климент Охридски»
г. София, Република България*

Разгледани са теоретичните основи на академичното летописване. Обосновано е, че историографската реконструкция на многоаспектната дейност на всеки водещ образователен и изследователски академичен център предполага използването на строг теоретичен набор от принципи: събитийност, фактологичност, прозопография.

Ключови думи: историография, теоретични основи, принципи, събитийност, фактологичност, прозопографично начало.

Всяка академична годишнина е повод за размисъл върху миналото, настоящето и бъдещето на изследователската и преподавателска дейност. Отбелязването е свързано с проследяване на историята на академичната